

И.А. БОГДАНОВИЧ, В.Ю. ГАНКЕВИЧ

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ГЛАЗАМИ ТЮРКО-МУСУЛЬМАН
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX в.
(по страницам романа И.Гаспринского “Френкистан мектюплери”)**

Важным общественным вопросом, волновавшим мусульманскую интеллигенцию XIX в., было отношение к европейской научно-технической цивилизации. Они были вынуждены признать, что азиатский аграрный Восток существенно отставал от европейского индустриального Запада.

Национально сознательная интеллигенция понимала, что традиционное исламское вероучение оказалось в плену у схоластики и погрязло в клерикализме, религиозная мысль находилась в упадке. Она ощущала необходимость как сохранения традиционной мусульманской духовности, так и следования по пути научного и промышленного прогресса. В противном случае исламский Восток окажется окончательно и бесповоротно под контролем христианского Запада.

Тем не менее, мусульманские обновленцы не отвергали прогрессивных достижений Европы и стремились к их восприятию. Однако они понимали, что состояние духовности западного образца не только отличалось прагматизмом, но и было совершенно неприемлемо для мусульманского общества. Необходимо было попытаться хотя бы синтезировать традиционное исламское вероучение и образ жизни с научно-индустриальными достижениями и уровнем бытовой культуры христианской цивилизации.

С этой важной идеологической целью выдающийся крымскотатарский просветитель и мыслитель Исмаил Гаспринский (1851-1914) написал и опубликовал свой знаменитый роман “Френкистан мектюплери” (“Французские письма”). В его первой части он проанализировал состояние грандиозной технологической европейской цивилизации, используя “исламскую призму” своего главного героя Моллы Аббаса Франсови. Во второй же, И.Гаспринским была описана фантастическая страна мусульман, где широко использовались научно-технические достижения, и сохранялся высокий уровень исламской этики и морали.

Таким образом, есть необходимость рассмотреть, как мусульманские интеллектуалы в конце XIX в. рассматривали цивилизационные достижения Европы, которые были наглядны и, без сомнения, оказывали на них огромное впечатление.

Как известно, состояние просвещения и общественной жизни во всех современных мусульманских странах далеко не удовлетворяло прогрессивно мыслящих общественных

деятелей тюркских народов. Показательным был пример богатой и влиятельной европейской цивилизации, где были очевидными большие просвещенские, экономические и культурные успехи европейцев, а главный герой не только был поражен достижениями научно-технического прогресса, но и, в определенной мере, даже ощущал своеобразный комплекс неполноценности.

В первую очередь туркестанского путешественника очень заинтересовало состояние просвещения в Европе. Он был поражен, что в местных университетах изучают языки ислама: арабский, персидский и турецкий. Молла Аббас Франсови не понимал зачем “немецкому медресе” священный язык мусульман [7, 1304, 9 джемади-эль-ахира]. Посетив Венский университет, он с нескрываемым удивлением узнал, что местные ученые имели незаурядные и основательные научные знания. К тому же они их получили не в Стамбуле или Бухаре, а непосредственно на месте – в Вене. Больше всего его поразило большое количество книг “на мусульманских языках”, которые находились в библиотеке этого учебного заведения.

Но, главное, он получил ответ на свой довольно наивный вопрос. Оказалось, что немцы не считали, что у них достаточно знаний. Они образно сравнивали науку со “священным лучом” и высокопробным золотом, которых всегда будет мало. Такая “жадность” к науке приятно удивила туркестанского путешественника, и он разделил европейскую просвещенную позицию, изложенную ему австрийскими учеными [7, 1304, 12 реджеб-шерифа].

Вскоре Молла Аббас Франсови, разыскивая могилу мусульманского святого Гуль Бабы, познакомился с ведущим европейским ориенталистом профессором (“дервишем”, как определил автор писем) Арминием Вамбери из Пештского университета. Известный ученый-востоковед, между прочим, посоветовал молодому путешественнику не терять своего времени, а продолжить обучение непосредственно в Европе [3, с. 36]. Только там он мог получить такие знания, которые и “во сне не видит” мусульманское духовенство. Молла Аббас Франсови собственными глазами увидел, что именно в университетах учились истинам, следуя Аристотелю, Платону, Ибн-Сине, Фараби и другим светилам знаний, которых мусульмане уже успели достаточно позабыть на исламском Востоке. Молла Аббас Франсови не мог не согласиться с логичным предложением профессора А.Вамбери и принял решение задержаться в “Френкистане” с целью максимально достичь пользы “из знаний и жизни френгов” [7, 1304, 1 шабан шерифа].

Прибыв в Париж, Молла Аббас Франсови стал усердно посещать школу языкознания. Именно там, между прочим, он стал ассистентом профессора по джигатайскому наречию [3, с. 36]. Его очень удивляло, что у “френгов” много людей учатся – “и старый, и молодой” упорно ищут знаний, всем им хотелось знать, стараются говорить на разных языках. “Удивительный народ!” – восклицал он [7, 1304, 13 рамадана].

“Оригинальное” воспитательное учреждение, “похожего” на которое нет на родном мусульманском Востоке, вновь очень удивило и заинтересовало Моллу Аббаса Франсови. Таким он считал детские ясли (“азиль”), которые уже в то время существовали во Франции. Он с восторгом рассказывал мусульманским читателям, что такие удивительные учреждения существуют для того, чтобы малосостоятельные родители могли зарабатывать деньги. За довольно небольшую плату матери могли быть

спокойными, что их детей своевременно накормят и всегда присмотрят за ними [7, 1304, 4 зиль-каиде].

Вообще Молла Аббас Франсови очертил для своих единоверцев хорошо продуманную и четкую государственную систему, которая уже тогда существовала во Франции и являлась без сомнения прогрессивной. Выяснилось, что всеми начальными и высшими учебными заведениями руководило соответствующее государственное министерство. В каждом административном регионе страны учебным процессом руководили особые директора и учебные комиссии, которые способствовали и помогали развитию школ.

Кроме того, все французы мужского и женского пола должны были обучаться грамоте. Для взрослых граждан, которые оставались по той или иной причине безграмотными, государство создавало специальную систему “воскресных школ”. Там один раз в неделю, отдыхая после повседневного труда, французские бедняки посвящали несколько часов обучению. Оно в большинстве случаев оплачивалось из частных благотворительных пожертвований и было совсем бесплатным для взрослых учеников. Молла Аббас Франсови поучал читателей, что именно любовь и преданность науке и школе в это время позволила занять французам “первое место” во всех сферах жизни. Более того, назвать какого-либо гражданина этого государства “невеждой” и “безграмотным” означало глубоко обидеть его.

Главный герой сравнивал состояние народного образования среди европейцев и мусульман. Несомненно, что это сравнение было не в пользу последних. Он отмечал, что среди сотни мусульман найдется только 10-15 грамотных лиц. С другой стороны, среди сотни французов редко когда нашлось хотя бы десяток неграмотных.

Такое состояние вещей автор объяснял тем, что именно французам удалось “полностью освоить” основы исламских догматов. Более того, собственно Молла Аббас Франсови был убежден, что они это позаимствовали из Корана, хадисов, мусульманского шариата и практики древнеисламской жизни. Он доказывал это тем положением, что всеобщее и бесплатное обучение является одной из основ мусульманского вероучения [7, 1304, 4 зиль-каиде].

Интересно, что Молла Аббас Франсови, между прочим, даже делился собственным опытом обучения в Европе. Туркестанский путешественник сравнивал свои знания со знаниями десятилетнего француза и признавал, что тот понимал больше и лучше, нежели собственно он. До поездки на Запад Молла Аббас Франсови, как известно, считал себя “человеком знающим и ученым муллой”. Теперь ему стало очевидно, что это была досадная иллюзия [7, 1304, 20 зиль-каиде].

Он отмечал, что во Франции его кругозор день изо дня все более расширялся. Ему удавалось по делам посещать “классы, где преподаются науки”. Изучая в Париже историю, Молла Аббас Франсови ознакомился с прошлым, начинал понимать сегодняшнее и немного представлять перспективы развития в будущем. География в преподавании европейских учителей познакомила его с народами, странами и их каждодневной жизнью. Курсы физики и химии составили правильное представление о сущности и действии многих вещей и о причинах многих явлений, которые казались когда-то темными, не объяснимыми.

Слушая лекции по политэкономии, Молла Аббас Франсови понял “законы производства, торговли и накопления богатства”. Вообще он подчеркивал, что он узнал и понял много нового, удивительного, каким невеждой “был до этого” [7, 1304, 20 зилькаиде].

Уклад жизни и быта европейских народов произвел на Моллу Аббаса Франсови очень большое впечатление. Собственно быт европейских жителей не столько удивил ортодоксальных мусульман, сколько вызвал стремления сберечь свои традиции и собственные эстетические взгляды. Например, Молла Аббас Франсови перед тем как совершить путешествие в Париж (“европейскую Бухару”) наотрез отказался изменить свой национальный костюм (и только потом, постепенно, был вынужден отказаться от него). Он готов был отказаться от всей Европы со всеми ее “чудесами” лишь бы только “избежать греха оставления чалмы и благородной длины халата”. Даже примеры стамбульских пашей и беев тогда не убедили его, потому что от многих ташкентцев и бухарцев он “слышал, что османлы очень “испорчены”, сделав в одежде и обычаях большие уступки Западу”. Он согласился только на использование платков, рубашек и нескольких пар перчаток. Итак, он предстал перед читателями вполне с ортодоксальным мировоззрением и принципами [7, 1304, 20 джемади-эль-звеля].

Интересно преподносит И. Гаспринский восприятие мусульманами такого европейского культурного явления как театр. Он достаточно точно передал традиционное, но не фанатичное отношение среднего “прогрессивного мусульманина” к “храму Мельпомены”. По его мнению, театр – это здание для разных зрелищ, “где говорят то, что было и то, чего не было, и выставляют напоказ то, что стоит показать – потому что все на свете Божья Благодать, – но только не публично и не всем...”. Здесь же Молла Аббас Франсови указывает, что “френги” даже думают по-другому. Его, как ортодоксального мусульманина, например, смутило, что мужчины и женщины – игравшие пьесу артисты, “в присутствии всех” обнялись и перецеловались. Целоваться, по мнению “прогрессивного мусульманина”, не грех, но после того, как закончится театральное представление [7, 1304, 13 джемади-эль-звеля].

Еще во время пребывания в Вене Моллу Аббаса Франсови очень удивило состояние инфраструктуры города и гостиничного дела в Австрии. В последнем случае, например, он откровенно восторгался “Кайзер отелем” (“Королевский караван-сарай”). Там же туркестанский путешественник сделал определенные этнографические сравнения на бытовом и социальном уровне. Имея в виду хорошо и пышно одетого швейцара отеля, он удивился, что это всего-навсего слуга, а тем временем господи ходят в незавидной черной одежде, без каких-либо украшений, будто бы их кто-то лишил достоинства и порядочности. Или в Европе мужчины целовали руку женщинам, когда в родном Туркестане он знал, что делается наоборот [7, 1304, 17 джемади-эль-ахира] и т.п.

В определенных обстоятельствах Молла Аббас Франсови откровенно восторгался образом жизни обычных европейцев. Он удивлялся богатству лесов и полей России, но то же самое в Германии привело его в еще больший восторг. Каждый участок земли был обработан, леса очищены, домики аккуратные и добротные. Европейцы делали это, по выражению путешественника, высоко ценя и оберегая дары Божьи [7, 1304, 9

джемади-эль-ахира].

Во Франции Молла Аббас Франсови удивлялся местным деревням. Ему показалось, что они были похожи на целые города. По крайней мере, в родном Туркестане он встречал не очень много таких городов с несколько тысячным населением. Что касается быта, то путешественник с воодушевлением рассказывал о роскошных магазинах, кафе, “шоссированных улицах”, прекрасных домах и т.п. [7, 1304, 20 зиль-каиде]. Или, проезжая по европейскому шоссе, он видел в этом явлении местной культуры быта ни что иное, как осуществление слов пророка, который говорил: “Вера имеет 76 веток: самая верхняя из них – священные слова, “ла илаха илла аллах”, а самая нижняя – очистка с дороги предметов, мешающих свободной ходьбе и езде” [1, с. 123].

В беседе с парижанином мсье Шалоном Молла Аббас Франсови очень восторгался французским бытом. Для него столица Франции была удивительным городом с царскими строениями, потрясающими воображение рынками, безупречными порядками, беспыльными улицами, на которых после дождя нет грязи. Чтобы окончательно не унижить самолюбие мусульман и возродить в них потребность в прогрессивных преобразованиях, автор вложил в уста собеседника туркестанского путешественника слова о том, что европейцы когда-то переняли определенный позитивный опыт именно у испанских мавров, которые, как известно, исповедовали ислам. Мсье Шалон подчеркивал, что замощение и освещение улиц, устройство фонтанов и канализации, цветников и садов было когда-то заимствовано из мусульманского быта Кордовы, Севильи и Гренады [7, 1304, 30 рамадана].

Без сомнения на туркестанского мусульманина в Париже произвела большое впечатление еще одна черта из повседневной общественной жизни. Молла Аббас Франсови напоминал своим единоверцам, что нищенство было строго запрещено шариатом. Но на Востоке рынки и площади возле мечетей всегда были ими переполнены. С другой стороны, на Западе нищих он не заметил, будто бы какой-то “суровый халиф” буквально исполнил здесь постановление шариата. Выяснилось, что бродяг и тунеядцев, которые не желали трудиться, помещали в тюрьмы и заставляли работать. С другой стороны, несчастных людей, которые не имели возможности трудиться, помещали в специальные заведения, не допуская унижения человеческого достоинства на площадях и рынках.

Для этого там организовывалась широчайшая благотворительность, и на доброе, общественное дело французы всегда с удовольствием жертвовали, – подчеркивал Молла Аббас Франсови [7, 1304, 4 зиль-каиде]. Одновременно он приводил и примеры такой благотворительности. Особенно его поразил персонал, а главное сестры милосердия парижских больниц, где он очутился [7, 1305, 20 сафара].

По сюжету Молле Аббасу Франсови за несколько недель пришлось познакомиться и с французской тюрьмой. Выяснилось, что там обвиняемые содержались довольно прилично. Помещения чистые и аккуратные, пища хорошая, обращение вежливое, хотя и суровое. Охранник, по его мнению, был довольно приветливым и с удовольствием отвечал на вопросы.

В процессе беседы выяснилось, что французские тюрьмы выполняли еще и просвещенскую функцию, что соответствовало мировоззрению самого автора романа. Надзиратель убеждал Моллу Аббаса Франсови, что большинство преступлений являются соответствующей реакцией на невежество и нищету. Поэтому

заинтересованные люди осуществили мероприятия, в результате которых преступники во время отбывания наказания должны были учиться, чтобы после освобождения они стали грамотными и овладели определенным ремеслом для заработка честного “куска хлеба”. Вообще, путешественник отмечал, что если бы человек не стремился к сохранению чести и свободе, то французские тюрьмы могли бы считаться наилучшими “караван-сараями”, где бесплатно кормили, обстирывали и прислуживали [7, 1305, 9 мухаррема].

Такое положение вещей заставило Моллу Аббаса Франсови задуматься о состоянии и причинах преступности на мусульманском Востоке. Он вспомнил, что на родине кражи и ограбления совершались людьми темными. Как правило, уровень преступности возрастал во время неурожая. Таким образом, нищета имела большое влияние на человеческие поступки, – делал вывод автор [7, 1305, 9 мухаррема].

Молла Аббас Франсови снова обратил внимание мусульманских читателей на моральное положение европейского общества сквозь призму исламской идеологии. В данном случае, на наглядных примерах из повседневной жизни европейцев им доказывалось, что обычного вора, например, французы не казнили, не подвергали пыткам, а досыта кормили, обучали и выпускали из тюрьмы исправившимся человеком, приобретшим специальность. Если бы “френги” исповедовали ислам, то они, по мнению Моллы Аббаса Франсови, были бы наилучшими мусульманами в мире [7, 1305, 9 мухаррема].

Ташкентцу пришлось непосредственно ознакомиться и с судебной системой Франции. Несмотря на затруднительное положение, в котором он по сюжету оказался, Молла Аббас Франсови подробно рассказал о самой судебной процедуре. По его выражению, помещение было настолько большим, что в нем могли бы поместиться четыре или пять туркестанских саклей с двориками, а обстановка напоминала приемную великого хана. Читатели, наверное, с удивлением представляли, что судебные заседания в Европе были открытыми для всех. В них принимали участие защитник, прокурор, судьи и, главное, присяжные. Выяснилось, что обычные люди, руководствуясь только разумом и совестью, решали судьбу подсудимого. Преступнику нелегко было выкрутиться, а невиновному довольно быстро удавалось выйти на свободу, хотя и судьба, и стечение обстоятельств были против него. Будет вердикт присяжных “виновен” – к делу подключатся государственные судьи, и преступнику вынесут соответствующее наказание. Но если они посчитают, что подозреваемый “не виновен” – то он тотчас освобождался. Таким образом, суд присяжных Молла Аббас Франсови признавал самой лучшей формой и самым лучшим изобретением “френгов” – “судом совести и сердца” [7, 1305, 25 мухаррема].

Несомненно, что ортодоксальных мусульман того времени удивляли социальное положение и гражданское поведение европейских женщин. Заурядного мусульманина, каким в начале своего путешествия был Молла Аббас Франсови, очень тревожило присутствие сотни “полураздетых женщин”. Более того, будучи вынужден их рассматривать, он постоянно твердил “священные слова против искушения” [7, 1304, 13 джемади-эль-звеля]. Если мусульманин должен был при определенных обстоятельствах обратить внимание на европейскую женщину, то ее внешний вид должен был быть очень похожим на мусульманский. Будущая жена Моллы Аббаса Франсови француженка Жозефина была

одета в плотно закрытое от шеи до ног черное богатое платье. К тому же она должна была быть целомудренной и придерживаться исламских запретов, таких, как, например, употребление спиртных напитков [7, 1304, 13 джемади-эль-эвеля].

Моллу Аббаса Франсови удивлял уровень знаний, которыми обладали обычные европейские женщины. По его мнению, они обладали таким образованием, что можно было подумать, будто они живут “уже пятьсот сорок лет!”. Путешественнику было даже стыдно, что его жена Жозефина знала значительно больше его, потому что во “френгских” школах дети разного пола изучали, кроме религии, еще множество разнообразных наук [7, 1304, 20 рамадана].

Между прочим, Молла Аббас Франсови отмечал, что у “френгов” было много женщин и девушек, занимавшихся благотворительностью. Прежде всего, они стремились помочь бедным и больным, посвящая им свои силы, труд и знания. Такие женщины добровольно отказывались “от удовольствий жизни”, обучали детей, ухаживали за больными. Во время войн сестры милосердия спасали своих и вражеских раненых. По мнению Моллы Аббаса Франсови, это было непосредственное жертвенное служение добру и человечеству [7, 1305, 20 сафара].

Важным вопросом, который интересовал путешественника из Средней Азии, было развитие европейской науки и техники. Как правило, типичные представления тюркомусульман о состоянии науки и техники в Европе имели суеверный подтекст. Так, Молла Аббас Франсови утверждал, что на его родине, в родном Туркестане, ортодоксальные мусульмане вообще говорили, “что френги – шайтаны” и колдуны [7, 1304, 9 джемади-эль-ахира].

Научно-технические достижения Запада для Моллы Аббаса Франсови были убедительными. Он воспринимал их как составляющую часть цивилизации, которую, кстати, было бы полезно использовать в собственных странах мусульманам. Молла Аббас Франсови, в присущих мусульманам выражениях, подчеркивал, что ему пришлось ехать “не на верблюдах”, а по железной дороге, “сидя, как в комнате” [7, 1304, 27 джемади-эль-эвеля].

Туркестанскому путешественнику было объяснено, что крупные плоды яблонь и высокие надои коров в Европе стали возможны только с использованием высокотехнологического производства. Оно, несомненно, было достигнуто благодаря развитию науки [7, 1304, 9 джемади-эль-ахира].

Молла Аббас Франсови был удивлен бурным развитием европейской экономики. Еще в Вене он был поражен, что в том же “Кайзер отеле”, где не стыдно остановиться и гостю царей, сутки проживания стоили всего три рубля. Ему было не понятно, как “френги” умудрились соединить столько роскоши и удобств с дешевизной [7, 1304, 17 джемади-эль-ахира].

Пребывая в Париже, Молла Аббас Франсови часто посещал парижскую биржу. Он даже решил описать своим единоверцам ее внешний вид и принцип работы. Здание биржи располагалось посередине площади. Именно там целый день сотни банкиров и состоятельных людей вели торги частными и государственными кредитными бумагами. Денежные знаки покупались и продавались “мешками, сразу на целые десятки миллионов рублей!”. Биржевые операции в сотни тысяч считались мизерными.

Вокруг биржевой площади находились многочисленные банковские конторы. В стиле восточной сказки Молла Аббас Франсови описывал то, что происходило внутри. Вокруг стен большой комнаты рядами стояли мешочки с золотом. “У нас в хлебной лавке не найдешь столько мешков с хлебом, сколько здесь золота”, – подчеркивал он. Денежные знаки лежали там на полках пачками. В каждой из таких контор резервы достигали десятков миллионов. Банкирам были должны все страны Европы и именно у них при необходимости одалживались деньги.

Во Франции миллионеры и владельцы десятков миллионов были не редкостью. Молла Аббас Франсови очень удивлялся и с восторгом отмечал, что можно было подумать, что золото со всей земли собрано сюда будто бы по волшебству. С сожалением и, возможно, стыдясь он подчеркивал, что “наши домашние менялы” и ростовщики кажутся смешными с небольшими “кисетами и столиками” [7, 1305, 3 реби-эвеля].

На его вопрос об источниках таких сказочных богатств какой-то “френг” отметил, что хотя родная земля не богата золотом, но каждый гражданин всю жизнь его “делает”, весело и в изобилии живет, еще и остается для накопления. Такая ситуация существовала несколько столетий. “Производство” золота заключалось в том, что качественные французские товары хорошо распродавались на внешнем рынке. За искусство и знания из разных стран во Францию стекаются “ручейки и образуют золотое море”, – подчеркивал собеседник Моллы Аббаса Франсови.

По мнению известных востоковедов Л.И.Климовича и Ю.М.Кочубея, И.Гаспринский в этом произведении привел “яркие примеры захватнической политики” европейских государств [4, с. 111; 5, с. 185.]. Туркестанский путешественник сделал выводы, что действительно искусство и знания современных европейских государств делают их хозяевами мирового рынка и мировой торговли. Все другие народы, “как чернорабочие работают на них” [7, 1305, 3 реби-эвеля]. Но Молле Аббасу Франсови не нравилась империалистическая политика европейских государств, особенно относительно мусульманских стран. Л.И.Климович отмечал, что во время пребывания в Париже Молла Аббас Франсови откровенно заявлял, что у англичан, например, в Египте нет ни права религиозного, ни права родства. Их пребывание в этой стране основывалось лишь на захвате, а этому невозможно было сочувствовать.

Вначале Молла Аббас Франсови пришел к тому, что истинное учение ислама, оказывается, теперь применяется в жизни не только у мусульман, а и у христианских народов Запада [1, с. 123]. “В большинстве случаев жизненные принципы европейцев вызывали не только естественное удивление, но и восхищение у сына исламского Востока”, – пишет известный исследователь газеты “Терджиман” В.Ю.Ганкевич [2, с. 187]. Более того, по мнению московского исследователя А.Куркчи, И.Гаспринский как будто бы таким образом поставил вопрос об историческом проигрыше ислама динамической европейской цивилизации [6, с. 228].

Но с таким высказыванием А.Куркчи согласиться трудно. Собственно европейская цивилизация конца XIX в., которая поразила молодого туркестанского путешественника, по мнению И.Гаспринского, имела несколько изъянов. На них Молле Аббасу Франсови указывал девяностолетний шейх Джелял Магриби, который уже полтора десятка лет

путешествовал по Европе. Он был очень образованным человеком и хорошо владел французским, испанским, итальянским и английским языками.

Шейх Джелял Магриби акцентировал, что европейская цивилизация, которая привела Моллу Аббаса Франсови в восторг – это только показная сторона жизни. Он считал, что уровень любой цивилизации имеет одно принципиальное мерило. По его мнению, это сумма изобилия и счастья обычных людей. Собственно европейская цивилизация была сравнительно молодой и более развитой, чем эллинская и романская. Но она настолько же была далека от своих настоящих задач, как и ее предшественницы. Таким образом, европейская цивилизация фактически “влила в новые формы” старую суть. Мудрый шейх Джелял Магриби заметил и обратил внимание Моллы Аббаса Франсови на то, что современный европеец относительно был не более счастлив, чем древний римлянин, хотя и владел большими жизненными ресурсами [7, 1305, 11 реби-эвеля].

Большие успехи в сфере науки, удивительное индустриальное развитие, о чем не могли мечтать в древние времена, дали возможность Европе внешне казаться абсолютно новой. Но счастья у людей не прибавлялось. И в древности, и в современной европейской цивилизации люди стремились лишь к личному благосостоянию, что требовалось собственной “животной природой”. Среднего европейца двигала только “корысть”. Его деятельность, цели и этические нормы были наглухо прикреплены к “корысти” и вращались вокруг нее. Но, как известно, не вся “корысть” имела справедливую подоплеку. Поэтому европейская цивилизация, если и не произвела, то развила многочисленные экстремистские организации – разнообразные “секты протестантов”, которых там называли “социалистами, анархистами”. Эти последние, по мнению мудрого старика, готовы были бросить человечество в еще большие несчастья. По образному выражению шейха Джеляла Магриби, они были слепцами, которые хотели найти дорогу для заблудших зрячих [7, 1305, 11 реби-эвеля].

Для подтверждения своего мнения он привел Молле Аббасу Франсови пример ошибочности европейского пути. В каждой европейской стране ежегодно тратились миллионные средства на обучение людей “с корыстью” применять свои силы и умения. Каждый европеец вооружался всеми средствами науки, лишь бы получить большие выгоды. Но в этом образовательном процессе был упущен принципиально важный элемент. Их не обучали “справедливости”. Образование господствовало в Европе над воспитанием; разум над сердцем; эгоизм над справедливостью. По мнению шейха Джеляла Магриби, не богатства, не индустриальный прогресс дадут счастье людям, а справедливость и науки [7, 1305, 11 реби-эвеля].

Блеск и шум Европы основывались на колоссальном научно-техническом прогрессе. Во всем остальном европейцы недалеко ушли от древних людей [7, 1305, 11 реби-эвеля].

Шейх Джелял Магриби высказал надежду, что будущее откроет людям другие, более широкие горизонты и лучшие формы жизни. Народы, стоящие позади европейских, должны у них учиться, используя их опыт и ошибки, для прогрессирования в лучшем направлении и создания лучших форм жизни и человеческих отношений [7, 1305, 11 реби-эвеля].

Несомненно, для российских тюрков – читателей “Терджимана” – подобный путь социального развития мусульманского общества, исламской цивилизации принципиально

не был приемлемым. Оказывается, дело заключалось даже не в религиозных, этнографических, бытовых или культурных отличиях азиатов-мусульман и европейцев-христиан. В определенных формах они могли быть восприняты единоверцами Моллы Аббаса Франсови. В европейской цивилизации отсутствовал стержень "справедливости", чтобы она могла явиться прогрессивной моделью для подражания. Таким образом, по мнению автора, научно-техническая цивилизация без духовности имела небольшие шансы на внедрение в мусульманские умы конца XIX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валидов Дж. Очерки истории образованности и литературы татар. Казань, 1998.
2. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851-1914). Симферополь, 2000.
3. Керим И.А.-о. Гаспринскийнинь "джанлы" тарихи 1883-1914. (Кърымтатар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат десенги). Акъмесджит, 1999.
4. Климович Л.И. На службе просвещения. О первой тюркоязычной газете "Терджиман" и ее издателя И. Гаспринском // Гаспринский И. Россия и Восток. Казань, 1993.
5. Кочубей Ю. Будівничий відродження (до 140-річчя від дня народження Ізмаїл-бей Гаспринського) // Всесвіт. 1991. № 12.
6. Курчки А. Исмаил бей Гаспринский // Дружба народов. 1991. № 12.
7. Молла Аббас Франсови. Френкистан мектюплери // Терджиман.

BOGDANOVICH I. A., GANKEVICH V.Yu.
EUROPEAN CIVILIZATION FROM THE POINT OF VIEW
OF THE TURKS – MOSLEMS OF THE RUSSIAN EMPIRE
OF THE 19TH century
Summary

In this article the author traces back as the Muslim intellectuals of the end of the 19th century considered the achievements of European civilization on the basis of the novel "French Letters" by I. Gasprinsky. In the first part of the novel the main character – a Muslim scrutinizes the state of enlightenment, science and technology in Europe, state system of education in France, style of life of European peoples, judicial system and the status of hospitals and prisons, the position of women in the society. The author came to the conclusion that in spite of all the achievements in European civilization it lacks "the core of justice", that is why it could not be used as a progressive model for imitation for the Muslims. In the second chapter of the novel I. Gasprinsky described a fantastic Muslim country, where scientific and technical achievements were used and the high level of Muslim ethics and code of morals were observed.